

УДК 130.2

И.А. Асеева, В.Г. Буданов, А.В. Маякова

От цифровых технологий к обществу тотального контроля?

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с разработкой, апробацией и внедрением цифровых сервисов и технологий, повышающих социальную рискогенность в условиях изменяющегося мира под влиянием глобальных потрясений, в частности пандемии коронавируса.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №19-18-00504 «Социотехнические ландшафты цифровой реальности: онтологические матрицы, этико-аксиологические регулятивы, дорожные карты и информационная поддержка управленческих решений».

Ключевые слова: социо-антропологическая система, цифровая антропотехносфера, риски цифровых технологий.

Современные технологические, информационные и социальные процессы, особенно бурно протекающие в актуальной ситуации растущей сложности и неопределенности, приводят к необходимости корректировки устоявшихся моделей поведения и форм коммуникации в различных социокультурных средах. Многие из этих процессов уже немыслимы вне цифровой реальности [1]. Информационно-сетевые технологии, модернизация коммуникационных гаджетов и программ, ситуация вынужденной дистанционной работы фактически переформатировали общество под цифровой порядок, добавили ранее неизвестные проблемы, связанные не только с новыми качественными возможностями и сложностью отбора и систематизации информации, обучением в удаленном режиме, но и появлением неоднозначных и еще неизученных психоментальных феноменов новой виртуальной и кибер-физической реальности.

Актуальность вопросов, связанных с разработкой, апробацией, внедрением и применением цифровых сервисов и технологий, возрастает в условиях изменяющегося мира под влиянием тотальных потрясений, в частности пандемии коронавируса. Социальная сфера, в самом широком смысле данного понятия, претерпевает глобальные изменения: локальная и тотальная самоизоляция, «закрытие» границ и территорий, дистанционный характер обучения, работы, покупок, предоставления услуг, заставляет современную науку и технологии развиваться еще большими темпами, наращивая именно цифровую оболочку. В связи с этим функционирование всех социо-антропологических систем становится невозможным вне цифрового формата, а значит цифровые технологии являются уже данностью современного этапа цивилизационного развития. Несмотря на явную необходимость и подтвержденный положительный эффект цифровые

технологии имеют целый спектр реальных и потенциальных рисков и угроз, сопровождающих практически каждую возможность, предоставляемую ими. Особенно ярко риски и угрозы проявляются при оценке долгосрочных перспектив, в частности при стратегическом планировании и социогуманитарном прогнозировании.

Реальными и потенциальными рисками и угрозами развития и применения цифровых технологий могут являться:

- социальная деградация, разрушение процессов становления возрастной социализации и социальной взаимопомощи;
- формирование «цифрового» поколения, риски аутичности, утраты эмпатии и сочувствия, утраты способности к анализу информации и принятию решения, и передачу этих функций искусственному интеллекту;
- сокращение количества рабочих мест, в том числе в сфере интеллектуального труда, транспорта и сфере обслуживания, досуговые вызовы и утрата экзистенциальных смыслов;
- цифровое мошенничество и распространение вредоносного контента;
- техническая, нормативно-правовая, этическая неподготовленность общества;
- недостаточная разработанность цифрового инструментария, угроза «утечки» информации, взлома, хакерских атак и пр.;
- сопутствующие риски, появление которых обусловлено изменением на основе цифровизации существующих ранее технологий, а также совершенствованием действующих ранее и генерированием новых моделей цифровых технологий и сервисов.

Современные исследования называют нашу эпоху «гиперинформационной». Например, по данным Facebook пользователи ежедневно обмениваются 500 терабайтами информации, 300 млн фотографий, 2,7 млрд «лайков», а Google фиксирует 5,3 млрд запросов в день [2]. Однако количество данных совсем не коррелирует с качеством и важностью сохранения этой информации, с одной стороны, и фактической возможностью защитить личностно или государственно-важную информацию, с другой. Кроме того, беспрецедентные объемы информации, которую приходится искать, осмысливать, отбирать и использовать, неминуемо приведут к изменению форм взаимодействия с этой информацией. Ученые отмечают, что обработка информации современным человеком переориентируется с понятийной на образную, с текста на картинку. Изменившаяся форма подачи и приема информации формирует феномен, получивший название «клипового мышления», «клипового сознания» [3], особенно у молодого поколения появляется склонность к принятию стремительных, неотрефлексированных решений, на основе первичных внутренних импульсов и эмоциональных впечатлений. Так цифровые технологии усиливают возможности (и не только интеллектуальные), но они в использовании как

«сапоги скороходы» или «летающий ковер» или «экзоскелет интеллекта»: умеешь пользоваться – получишь преимущества перед другими, не умеешь – либо погибнешь, либо покалечишься. Это риск и постоянный выбор между «властью» и «рабством», между «быть всем» и «не быть ничем» – сюжет, не раз прописанный в классической литературе. Подобная двунаправленность наблюдается и в юридической интерпретации методологического и инструментального аппарата больших данных. В качестве примера можно привести разницу позиций в данном вопросе двух оппонентов: Европы и Китая. Китай рассматривает развитие цифровых технологий, в том числе большие данные, как главную цель, некую кульминацию развития науки и технологий в целом, при этом сопутствующие риски и угрозы, в том числе по отношению к человеку и обществу, остаются «побочным эффектом». При этом держателем данных может быть только государство, в данном праве у него непререкаемая монополия. Европа же придерживается иного мнения на этот счет. Не случайно именно Европейским союзом был принят общий регламент по защите данных (GDPR – General Data Protection Regulation), а значит в научной области остается неизменным приоритет социально-гуманитарной направленности и защищенности. Следовательно, возникает дилемма: развитие цифровых технологий – это Цель или Средство (в частности для достижения цели эволюции социотехнического ландшафта). Если развитие ЦТ становится целью, а не средством достижения «высокой» цели, не возникнет ли утопия, угроза развития человеческой цивилизации? То есть, маниакальное развитие ЦТ само по себе является риском, опасностью для общества. А. Генкин в докладе на круглом столе «Цифровая трансформация: новые вызовы и новые возможности для общества» поднимает злободневные вопросы: где границы доступа общества в жизнь личности? Где защитная линия нашей приватности? По мнению докладчика, возникновение и широкое распространение систем социального рейтинга является одним из ответов на эти вопросы. Так, все сведения об индивиде кумулируются в единую систему данных, в итоге формируется рейтинг благонадежности каждого человека. Целью данного рейтинга является отбор личностей, которым необходимы или которым доступны те или иные общественные блага. В качестве примера снова вспомним Китай, в котором подобный социальный рейтинг закреплен и функционирует на государственном уровне, более того является одной из стратегий успешного развития государства. В результате наиболее благонадежные лица имеют максимальные преимущества в социальной сфере, а менее благонадежные испытывают реальные затруднения. Таким образом, в современном обществе формируются новые принципы социального расслоения и неравенства [4].

Еще одна проблема, связанная с санкционированием проникновения в персональные данные, возникает при обсуждении приоритета личных или общественных интересов в ситуации, например, крупных эпидемий, таких как вирус Эбола, H1N1 или коронавирус COVID-19.

Большинство государственных регламентов направлены на защиту общественного здоровья в ущерб сохранению тайны частной жизни. В условиях пандемии коронавируса китайцы выпустили приложение, позволяющее определить факт взаимодействия с зараженным человеком. Таким образом, постоянно ведется проверка перемещений каждого человека, соответственно, нарушается медицинская тайна – сведения о заболевших гражданах доступны заинтересованным лицам. При этом данное отслеживание «прикрыто» благой целью – недопущение распространения эпидемии и возникновения новых вспышек. В связи с этим применяется иной термин – контроль, который в отличие от слежки подразумевает как дальнейшее управление, так и защиту от «внешнего воздействия». Откровенно говоря, слежка или отслеживание, мониторинг, пожалуй, является частью контроля. Стоит акцентировать внимание на том, что контроль без целевой положительной функции, без дальнейшего анализа и синтеза во благо общества является незаконной и преступной деятельностью. И история развития цифровых технологий знает такие примеры. Проблема заключается в невозможности контролировать посторонние вмешательства в работу электронных медицинских приборов, таких как инсулиновые насосы, мониторы глюкозы, дефибрилляторы и т.п. В то время как для обеспечения безопасности компьютеров и смартфонов постоянно выпускаются специальные программы, для медицинских приборов такая задача изначально не ставилась, они ценились прежде всего за простоту, надежность и быстроту использования пациентами и лечащими врачами. Так, именно из-за возможности несанкционированного вмешательства в работу беспроводного стимулятора сердца вице-президента США Дика Чейни кардиолог не одобрил его использование [5].

С цифровизацией банковской и торговой сферы потребления и их сращиванием на основе скоринговых и скрининговых интересов связана угроза манипулирования данными, когда банки начинают собирать информацию о клиентской базе потенциальных заемщиков не только по социальным сетям [6], но и потребительской корзине клиентов с целью определения наиболее полного личностного профиля возможного заемщика. На самом деле речь идет и о еще более полной информации, восстановленной по оплатам банковской картой в кинотеатрах, аптеках, медицинских учреждениях, вокзалах. Фактически это не только социально-психологический профиль, но и проблемы здоровья, культурных и политических предпочтений и другие факты личной жизни, которые легко восстанавливаются в таком расширенном скрининге, нарушая этические нормы вторжения в приватные пространства личности [7]. Фактически, наши приватные данные, собранные полулегально через банковско-маркетинговый скрининг, все больше становятся товаром, что не может не вызывать чувства протеста.

Несмотря на угрозы, сопровождающие развитие цифровых технологий, сегодняшняя ситуация в мире диктует свои условия, в том числе связанные с развитием и применением цифровых

технологий и сервисов. Транслируемая повсеместно фраза, которая стала уже «слоганом» настоящего – «мир уже не будет прежним» – формирует не только настроения в обществе, но и новые условия существования человека и общества в изменяющемся мире. И обойтись без цифровых технологий в новых условиях будет невозможно. Переход фактически уже состоялся. Особенно остро встает вопрос о внедрении и применении цифровых сервисов в кризисных ситуациях, в рамках которых ограничено перемещение человека. И положительный эффект цифровизации в таких условиях очевиден. Однако, общество не всегда находится в стадии кризиса. Существует точка зрения, что при спокойном течении жизни человека и общества тотально негативное применение благ цифровизации можно снизить до минимума. Но нам представляется, что это ошибочное представление. Механизм запущен, он постоянно находится в работе. И мы наблюдаем нежелательную статистику. По данным «Лаборатории Касперского» за 2019 год 40% российских детей в возрасте до 10 лет почти постоянно находятся в сети, в возрасте 14-18 лет практически все подростки в мире 60-70% времени проводят онлайн [8]. И данная среда отнюдь не безопасна. Подрастающее поколение все чаще и чаще сталкивается с проблемами социальной коммуникации, социализации. При этом процесс происходит на фоне развития и все более глубокого внедрения цифровых сервисов и инструментов.

Подтверждением статистических данных является выступление научного руководителя Лаборатории нейронаук и поведения человека Сбербанка, психотерапевта Андрея Курпатова на Всемирном экономическом форуме в Давосе в рамках делового завтрака Сбербанка. По мнению А. Курпатова, «то, что мы имеем сейчас – это, по сути, эпидемия цифрового аутизма. Цифровой аутизм – состояние, при котором молодые люди не могут поддерживать длительный психологический контакт друг с другом. Они не интересуются внутренним миром другого человека. Люди для них фактически стали заменяемы, поскольку они не видят ценности каждого человека в отдельности» [9]. Каким же образом можно избежать так называемого цифрового аутизма? А. Курпатов предлагает простые и одновременно очень сложные для современного человека меры: цифровая гигиена и расширение реальных социальных связей. Вместе с тем, современный человек проводит 8 часов в виртуальной реальности и лишь 2,5 часа в сутки тратит на личное общение [10. С. 15], что приводит к постепенной утрате навыков социального взаимодействия, дисфункции дефолт-системы мозга.

Идея «цифровой гигиены» доктора Курпатова не нова, однако в современных реалиях актуальна и обязательна к применению. В 2018 году вышла книга «Цифровая диета. Как победить зависимость от гаджетов и технологий» Дэниэла Сиберга, ставшая бестселлером в области психологии и «спасения» от цифровой зависимости [11]. Автор расписал в подробностях «цифровую диету», ключевым «продуктом» которой является «живое» общение, а ключевым

методом не отказ, а умеренность в обращении с цифровыми сервисами и гаджетами. Д. Сиберг справедливо отметил, что отказаться от цифровых технологий общество уже не может, и в этом нет необходимости, поскольку цифровизация многих социо-технических задач существенно облегчает и упрощает жизнь современного человека. Однако, быть удобным инструментом для решения текущих проблем и заменить саму жизнь человека – это разные вещи, которые нельзя ставить одновременно на чаши весов. Человеческая жизнь не должна и не может быть замещена цифровыми гаджетами и виртуальной реальностью, поскольку в таком случае мы говорим уже не о человеке, а о киборге. В связи с этим тотальный перевод социальных кластеров на «цифровые рельсы» губителен для всей социо-антропологической системы.

Насыщение цифровыми технологиями основных социальных кластеров неотвратимо будет происходить под влиянием тотальной цифровизации. Однако резкие движения в этой области абсолютно противопоказаны. Это может привести к необратимым последствиям, которые поставят под угрозу жизнь и здоровье человека и общества. А значит, внедрение цифровых технологий должно происходить планомерно и постепенно, чтобы была реальная возможность не только оценить риски, но и научиться управлять ими. Только в таком случае имеется возможность сохранить и преумножить положительный опыт прошлого и снабдить его необходимым цифровым инструментарием. Ключевой аспект состоит именно в коррекции, а не в полной замене системы. Мы же сейчас можем наблюдать постепенное разрушение привычной системы социального устройства, в том числе социальных кластеров, и конструирование новой социальной сферы, которая имеет в качестве базиса именно цифровые технологии, которые, по сути, должны стать инструментом-проводником в новый формат общества. Ярким примером, высветившим плюсы и минусы тотальной цифровизации, стало российское образование периода первой волны пандемии коронавируса. Цифровая среда из дополнительного обучающего инструмента превратилась в единственную образовательную среду, которая заменяет весь образовательный процесс. А в условиях пандемии коронавируса цифровизация образования особенно актуальна. В России и за рубежом образовательная деятельность на всех уровнях в период обострения пандемии была переведена в дистанционный формат. Практика виртуальной школы существует на базе цифровых платформ, работающих в условиях виртуальной реальности: Teaching, Cyberworlds/ Digital Studies, Public Anthropology. Однако особенностями данного перевода являются высокая скорость перевода, неподготовленность цифровых платформ, отсутствие необходимых технических средств, масштабность, отсутствие определенности в действиях и перспективах, отсутствие навыков работы с компьютером и интернетом, что логичным образом повлияло на качество образования.

Каждая цифровая технология (не только в аспекте социального кластера «Образование») может быть оценена в качестве рискогенного фактора для различных функциональных тел обобщенной телесности, что может быть еще одним пространством рискогенных критериев в построении социально-технологических ландшафтов [12; 13]. Следовательно, для поддержания функциональных статусов привычной конституции человека понадобятся серьезные компенсаторные практики, которые займут большое время в жизни личности и могут свести на нет многие преимущества, рекламируемые адептами цифровизации. Эти проблемы носят не столько технический, сколько антропологический характер и с особой остротой подчеркивают вечные экзистенциальные вопросы о смыслах и ценностях человеческой жизни.

Возможности и угрозы социального конструирования технологий цифровой реальности неразрывно связаны между собой и, к сожалению, не находятся в балансе. В связи с этим процесс внедрения цифровых технологий в социально-антропологическую сферу должен быть предсказуемым. Только при соблюдении этих условий будет возможность управлять рисками и угрозами, преумножая положительный эффект.

Обратим внимание на еще один важный аспект прививки повсеместной цифровизации в масштабе всей планеты. Согласно теории смены технологических укладов Кондратьева-Глазьева [14], их смены в экономике обычно сопряжены с серьезными конфликтами носителей новых и старых технологий в борьбе за рынки и производственные мощности, вплоть до крупных войн, в том числе торговых, между основными акторами мировой экономики. Наше время напоминает именно такую ситуацию с непримиримой торговой войной США и Китая в условиях глобального экономического кризиса. И если раньше экономические конфликты разрешались военным образом, то сегодня ускоренный переход к шестому цифровому технологическому укладу происходит фантастическими темпами за счет процессов самоизоляции миллиардов людей и почти всех стран в состоянии перманентной пандемии COVID-19. Когда люди всех возрастов вынуждены перейти на удаленный способ работы, получения образования, коммуникации, а капитализация простенькой цифровой платформы ZOOM для коллективных мероприятий в одночасье становится больше капитализации крупнейших авиаперевозчиков Boeing и Airbus, разрушаются национальные экономики и сложившиеся глобальные связи. Транснациональные цифровые гиганты Google, IBM и сетевые платформенные сервисы Alibaba и Amazon, наравне с Big Pharma, становятся основными выгодополучателями кризиса, и законодателями нового цифрового образа посткризисного мира. Человек, живущий ранее преимущественно в умельтах природы и материальной техники, резко переходит в умельты виртуальной и дополненной реальности, сетевые миры цифровой коммуникации, получая цифровой стресс, тотальный контроль в приватной сфере и деформацию своей антропологической и социальной природы [15].

В связи с вышесказанным подчеркнем, что внедрение цифровых технологий в социальную реальность возможно лишь под контролем систем социо-технической экспертизы, в процессе постоянного мониторинга изменяющихся ландшафтов антропотехносферы [16], исключительно с приоритетом соблюдения законов, этических норм, прав личности и обоснованного блага общества. Развитие технонауки, разумеется, неизбежно определяет успешность той или иной цивилизационной стратегии, но и от гуманистических оснований человечества отказываться преступно, что и должен убедительно прояснять комплексный философский анализ сложных процессов в современной антропотехносфере.

Литература

1. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: философско-методологический концепт, онтологические матрицы, экспертно-эмпирическая верификация[Текст]: Коллективная монография / Аршинов В.И., Артеменко М.В., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Кореневский Н.А., Маякова А.В., Чеклецов В.В. / Отв. ред. В.Г. Буданов, И.А. Асеева. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2019. – 212 с.
2. Попытки расчета количества информации на планете Земля <https://nag.ru/articles/article/101906/popuyitki-rascheta-kolichestva-informatsii-na-planetze-zemlya.html>
3. Гиренко Ф.И. Клиповое сознание. М.: Академический проект, 2014. – 399 с.
4. Генкин А.С. Выступление в рамках круглого стола «Цифровая трансформация: новые вызовы и новые возможности для общества». Режим доступа: <https://www.oprf.ru/press/news/2617/newsitem/52561>
5. Clery D. Could your pacemaker be hackable? // Science. 2015, 30 January. Vol. 347, no 6221. Pp. 499.
6. Hagel J., Armstrong A. Net Gain: Expanding Markets Through Virtual Communities, Cambridge: Harvard Business Press, 1997.DOI:10.2307/1251808
7. Lengare K.B. Data ethics and its role in digital era. Review of Research. Vol.7, Issue 11. August 2018. Pp.1-7.
8. Лаборатория Касперского»: более половины российских родителей считают, что не только их дети, но и они сами проводят в сети слишком много времени. Режим доступа: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2019_laboratoriya-kasperskogo-bolee-poloviny-rossiyskih-roditeley-schitayut-chno-ne-tolko-ih-deti-no-i-oni-sami-provodyat-v-seti-slishkom-mnogo-vremeni
9. Курпатов А.В. Личностная трансформация в цифровую эпоху. Режим доступа: <https://youtu.be/GbLclnu-QGc>

10. Signam A. Well connected? The biological implications of 'social networking' // *Biologist*. Vol. 56, no 1. February 2009. Pp. 14-20.
11. СибергД. Цифровая диета. Как победить зависимость от гаджетов и технологий / пер. с англ. И. Окунькова // Изд-во: Альпина Паблишер, 2018, 207.
12. Буданов В.Г. Эскиз квантово-синергических онтологий человека и общества // *Философские науки*. 2014. № 8. С. 101-110.
13. Budanov V.G., Aseeva I.A. Quantum-synergetic anthropology: on the borders of the new technological order / В сборнике: 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM-2017 conference proceedings. Sofia, 2017. С. 565-574.
14. Глазьев С.Ю. Открытие закономерности смены технологических укладов в ЦЭМИ АН СССР // *Экономика и математические методы*. 2018. Т. 54. № 3. С. 17-30.
15. Буданов В.Г., Асеева И.А. Дорожные карты антропотехносферы XXI века // *Экономические стратегии*. 2017. Т. 19. № 5 (147). С. 120-127.
16. Буданов В.Г., Аршинов В.И., Асеева И.А. Антропологические ключи социотехнических ландшафтов. Часть I: Психофизические и ментально-духовные аспекты // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2020. Т. 10. № 4. С. 207-217.